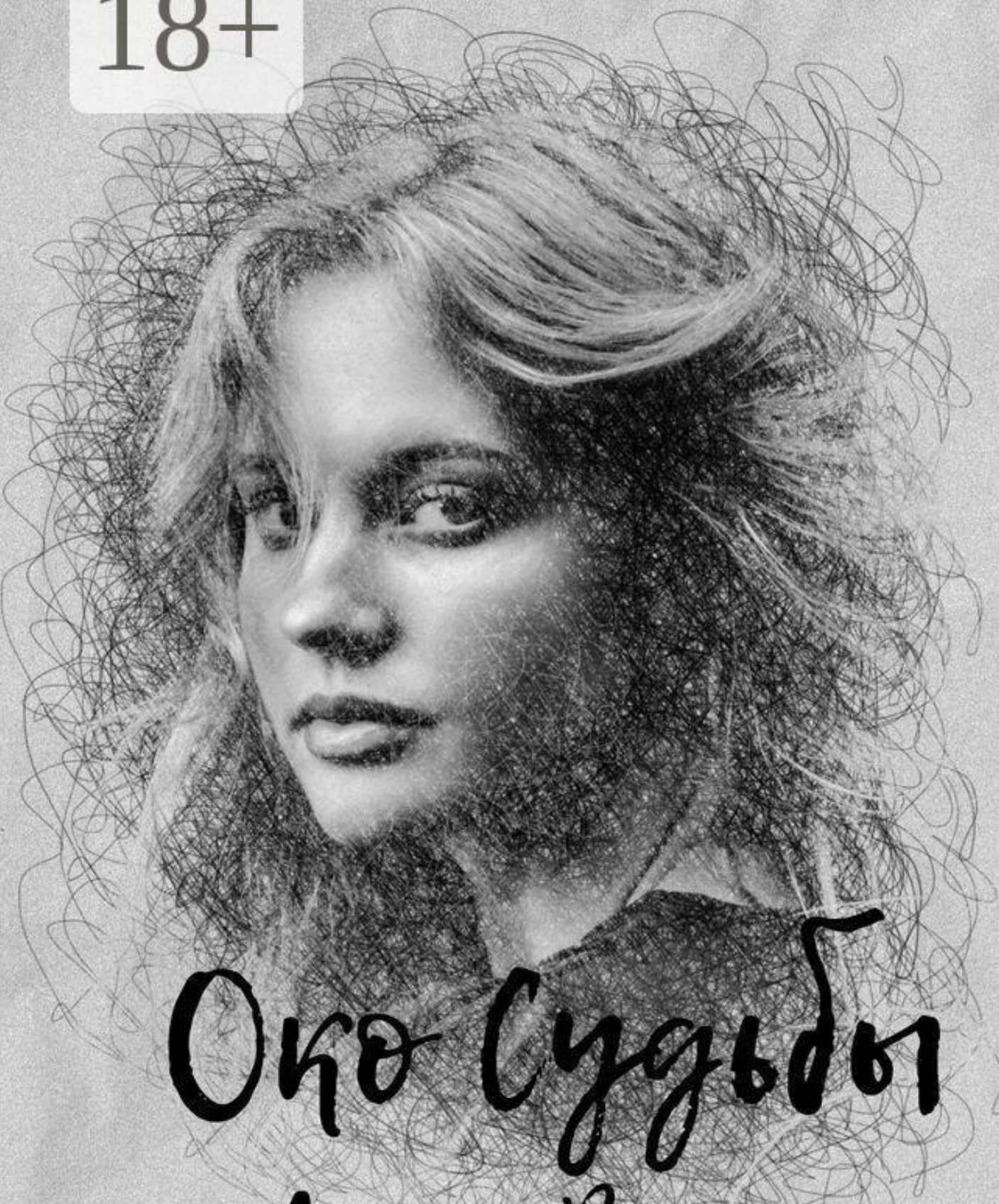

18+

Око Судьбы

Алекс Вест

Алекс Вест

Око судьбы

«Издательские решения»

Вест А.

Око судьбы / А. Вест — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Москва конца XIX века. Подполковник сыскной
полиции Иван Назаров берётся за дело, которое начинается с украденных
ядов, а приводит в Английский клуб, где за одним столом сходятся генерал-
славянофил, его прекрасная спутница-немка и тень международного заговора.
Когда правду прячут даже те, кто обязан её искать, — есть ли у сыщика шанс?

© Вест А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Око судьбы

Алекс Вест

© Алекс Вест, 2026

ISBN 978-5-0070-6558-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Око Судьбы.

Глава первая

Кабинет начальника сыскной полиции Москвы помещался во втором этаже казённого дома буквально в шаге от Тверской улицы и представлял собой образец казённого же неуютства: зелёное сукно на столе, которое было давно истерто локтями до блеска, карта Москвы на стене с быстрыми пометками красным карандашом, портрет государя императора в тяжёлой раме да кожаный диван, излучающий добротность и даже монументальность, зато всякий посетитель норовил присесть на него с краешку.

Подполковник Иван Филиппович Назаров сидел в таком же массивном кресле с высокой спинкой, попыхивал трубкой и читал газету. Был он не молод — пятый десяток разменял, — но крепости ещё той: широк в кости, седые усы подстрижены по-военному, взгляд серых глаз тяжёлый, прилипчивый. Двадцать пять лет сыска — от городского до подполковника — сделали своё дело: он умел смотреть так, что у пойманного мошенника подгибались колени раньше, чем Назаров раскрывал рот. Сейчас глаза его были опущены в газетный лист, и от этого взгляд казался почти добродушным.

Трубка давно погасла, но он машинально посасывал чубук, задумчиво шевеля усами.

Газета называлась «Голос». Краевский издавал её в Питере, и листок этот держался линии западнической, умной, ядовитой — всё более про конституцию, про гласный суд, про то, что Россия должна идти не в Константинополь, а в Европу за просвещением. Назаров «Голос» не любил, но выписывал: надзирать за противником полагалось из первых рук.

Сегодняшний номер был особенно хорош.

«Славянофильское возбуждение, — читал подполковник, — достигло ныне степени, опасной для государственного спокойствия. Господин Раменский в своей „Русской речи“ вновь призывает к единению славян под скипетром русского царя, забывая, что царь наш не желает быть игрушкой в руках людей, мечтающих о новой войне. Генерал Верещагин, герой туркестанских походов, открыто именует политику Германии враждебной и грозит ей штыком, забывая, что штык — орудие обороны, а не публицистики. С другой стороны, граф Лорис-Мелихов и князь Долгоруков (западники, прим. авт.) призывают к умеренности и диалогу с Европой, но голос их тонет в ура-патриотическом угаре, который, кажется, охватил не только площадь, но и гостиные...»

Назаров отложил газету и раскурил трубку заново. Синим дымом потянуло к форточке.

— Раменский, Верещагин, — пробормотал он, жуя чубук. — Орлы.

Обоих он знал. Раменского видел однажды на заседании Славянского комитета — сухой, бородатый, с горящими глазами пророка, говорил так, что мурашки по коже. Верещагина встречал в трактире Тестова, где тот, будучи уже генералом, запросто пил чай с какими-то офицеришками и хохотал так, что люстры дрожали. Белый мундир, черные глаза, огонь, а не человек.

Хороши оба. Опасны оба. Только по-разному.

Мысли Назарова текли лениво, по-вечернему, но профессиональная привычка гнала их в нужную сторону: что скажут на это в Петербурге? Что скажут в Третьем отделении? Хотя третье отделение и было уже упразднено, но старый сыщик неуклонно его именовал старым названием. Для Назарова, который, в некоторой степени, страдал профессиональным консерватизмом, смены вывесок не вызывали ничего, кроме раздражения. Третье отделение подчинялось лично императору и стояло «над» всей системой. Теперь же тайную полицию слили с МВД, превратив её в бюрократический Департамент. Для Назарова, который «служит делу, а не чинам», это превращение мощного карательного органа в министерскую канцелярию — признак деградации и бумажной волокиты, которую он презирает. Да и, несмотря на всю былую карательную мощь охраны, Назаров не желал быть с ними в одной лодке, считая свое дело

более приземленным и от того более полезным обществу, он думал примерно так: «Мы — работяги-сыщики, землю носом роём, а они там, в своём „Третьем отделении“, всё заговоры ищут».

«Что скажут, что скажут? — прошептал про себя сыщик, — а скажут одно: Раменский и Верещагин — фигуры слишком крупные, чтобы их трогать, и слишком яркие, чтобы их терпеть. Государь Александр Александрович человек твёрдый, конституцию не даст, но и новой войны с немцами не хочет. А славянофилы лезут именно в войну. Значит...

Назаров вновь поправил фитилёк в лампе.

— Ух, — выдохнул он в усы. — Ух, как это всё не нравится там, на самом верху.

Он имел в виду не царя даже — царь далеко. Он имел в виду тех, кто при дворе нитками дёргает: Победоносцева, Толстого, Каткова. Им бы тишину, им бы заморозить Россию, чтоб не дышала. А тут Верещагин с мечом, Раменский с пером — живые, громкие, любимые народом.

Назаров потянулся за спичками и вдруг замер.

Рука с коробком остановилась на полпути к трубке. Глаза его, только что сонные, сделались вдруг острыми, как у старого филина, который услышал мышь под снегом.

Женщина.

Та самая, которую он давеча видел на Николаевском вокзале.

Он провожал там знакомого чиновника из Петербурга и уже собирался идти к пролётке, когда заметил её. Высокая, в тёмно-синем лёгком пальто с бархатным воротником, шляпка с вуалью — таких дам в Москве тысячи. Но что-то кольнуло. Не походка — походка лёгкая, породистая. Не взгляд — взгляда он не видел под вуалью. А кольнуло то, как она стояла у извозчика: ровно столько, сколько нужно, чтобы никто не запомнил, и ровно столько, чтобы успеть оглядеть всех вокруг.

Она оглядывала перрон. И оглядывала его — Назарова — тоже. Сквозь вуаль, сквозь толпу, сквозь его привычку быть незаметным.

Он тогда не придал значения. Мало ли кто едет в Москву. Актёрки, купчихи, авантюристки...

Теперь, в тишине кабинета, под шелест газеты и мерный стук часов, он вдруг понял: не так.

Не то в ней было что-то.

Не то.

Назаров сунул погасшую трубку в рот и уставился в одну точку на стене, где висела карта. Он не видел карты. Он видел ту женщину — её спину, когда она садилась в пролётку, и лёгкое, едва заметное движение головы: она обернулась и посмотрела прямо на него. А может, это только показалось.

Или нет, смотрела — будто запоминала.

Тишина в кабинете стала гуще. Где-то внизу хлопнула дверь, залаяла собака дворника, но Назаров не слышал.

— Что же в тебе не так, голубушка? — спросил он пустоту.

Ответа не было. Был только газетный лист на столе, где господин Раменский призывал к единению славян, генерал Верещагин грозил войной, а западники призывали к диалогу. И была женщина в синем пальто, которая приехала в Москву неизвестно зачем и теперь стояла перед его внутренним взором, как заноза.

Назаров чиркнул спичкой, раскурил трубку, выпустил дым к потолку и усмехнулся сам себе:

— Ладно. Поживём — увидим.

Он не знал тогда, как скоро увидит. И что цена этому зрению будет — жизнь национального героя, крах нескольких карьер и тихая, страшная правда, которую лучше бы не знать вовсе.

Глава вторая

Кабинет Назарова к вечеру приобретал особенный запах — смесь табачного пепла, остывшего кофе и сургуча, которым запечатывали пакеты с донесениями. Подполковник стоял у вешалки, уже натянув лёгкий сюртук на одно плечо, и машинально шарил в кармане в поисках ключей. День выдался бестолковый: утром вокзал, днём заседание у градоначальника, вечером — бесконечная писанина, от которой к концу дня гудело в пояснице.

Ключи нашлись в кармане. Назаров сунул руку во второй карман — трубка на месте, кисет на месте. Можно и честь знать.

Он уже взялся за дверную ручку, когда на лестнице послышались торопливые шаги и в кабинет, не постучавшись, влетел дежурный офицер — молодой поручик с круглым, ещё не обветренным лицом и испуганно вытаращенными глазами.

— Ваше высокоблагородие! Осмелюсь доложить! Вечерняя сводка! Я успел, вы ещё здесь...

Назаров вздохнул. Сюртук пришлось снять обратно. Он отлично понимал, что в городе всё в порядке, в противном случае ему бы сразу доложили, но действительно надо послушать. — Садись, поручик. Читай. Только без истерики, ядом капай ровно и слюной не брызгай.

Поручик сел на краешек стула, развернул исписанный лист и зачастил, проглатывая окончания:

— По городу Москве за истекший день происшествий чрезвычайных не случилось. В первую полицейскую часть сообщили: обнаружен труп неизвестного мужчины в Китай-городе — при прибытии на место оказалось, что пьян до положения риз, очухается утром в участке.

Назаров крикнул.

— Во второй части: мещанин Семиглазов задержан за дебош в трактире «Ад» на Никольской. Разбил зеркало и кричал, что он Наполеон. При обыске найдена поддельная ассигнация двадцатипятирублёвого достоинства, однако эксперт сомневается, что Семиглазов сам её рисовал — он неграмотный.

— Это Каин, — махнул рукой Назаров. — Тот самый, что третьего года лошадей крал. Выпустите утром, пусть проспится. Ассигнацию — к эксперту и работать над поиском фальшивщика.

— Слушаюсь. Далее-с: в Третьей части извозчик Иван Фролов, сорока пяти лет, обнаружен близ ограды Страстного монастыря бездыханным. Поначалу почли за покойника — собралась толпа, вызвали батюшку для соборования, ан нет: открыл глаза и попросил воды. В участке же показал, будто выпивал неподалёку с двумя незнакомыми ему людьми, а что было после — хоть убей, не помнит.

Зачастили нынче выпивохи по улицам валяться да народ пугать своим непотребным видом. Случай-то больно схож с тем, о котором вы мне только что сказывали, что приключился в Китай-городе.

— Так точно, ваше высокоблагородие, схож. Однако народу тут собралось куда больше, и если тамошнего бузыгу сразу за мертвяка приняли, то этого, сердешного, уж за умирающего почли. А городской Егозин, что туда выезжал, давеча к нам заходил и сказывал, будто извозчик-то божился: не бражничал, дескать, вовсе, одну лишь воду и пил. Врёт, конечно, скверна-вещ, — про то, что пил лишь воду.

Назаров, уже успевший набить трубку, замер с горящей спичкой в руке.

— Постой. Фролов? Тот самый, что у вокзала постоянно стоит?

— Никак нет, ваше высокоблагородие. Этот — с Тверской-Ямской. А что?

— Ничего. Дальше.

Поручик зашелестел бумагой:

— В Пятницкой части — побоище в весёлом заведении купчихи Зверевой, — доложил дежурный. — Городовые свистели, повязали двоих приказчиков, купеческого сынка и заезжего актёра императорских театров. Трагик клянётся, что не дрался, а ставил с господами сцену из «Гамлета». Пристав, однако, в протоколе записал прозаичнее: «вульгарная пьяная ссора из-за неподдельного интереса к здешней девке».

Дежурный офицер докладывал чётко, по-военному, а Назаров слушал внимательно, но как человек, утомлённый глупостью обывателей, пустив колечко дыма, приказал:

— С актёра взять подписку о невыезде и гнать взащей. Приставу передай: пусть пригрозит шекспировскому кавалеру — ежели ещё раз вздумает ставить «Гамлета» в публичном доме, я его вместе с оппонентами упрячу в такие палестины, где их общая «Гертруда» до седых волос никого из них не дожждётся. Что там по кражам?

— Кражи. В Зарядье обокрали лавку купца Сушкина. Взяли два мешка овса и самовар. Подозреваются беспаспортные, ночующие в подвалах.

— Овёс и самовар, — усмехнулся Назаров. — С голодухи, видать. Дальше.

Поручик прокашлялся:

— Кража из аптеки Карла Фёдоровича Винтера на Никольской. Проникли через чёрный ход. Взяли... — поручик заглянул в бумагу и нахмурился, — ...реактивы разные. Морфий. Ещё что-то латынью писано. Аптекарь составил список. Да только кто ж разберёт, что в этом списке без знающих лиц-то.

Назаров взглянул на офицера.

— Аптека Винтера? Немца?

— Так точно. Сам Винтер в растерянности, говорит — профессионально сработано.

— Хм.

Пауза затянулась. Поручик переминался, переводя дыхание.

— Всё-с?

— Так точно. Более ничего значимого.

— Погоди-ка, — голос подполковника упал до опасного шёпота. — Вернись назад. Ты битых пять минут докладывал про извозчика, коего Егозин на мостовой подобрал. Что городской-то сказывал?

— Да пустяковое дело, Иван Филиппович, — замялся дежурный, теряясь в догадках. — Обывательский случай. Нашли пьяным без чувств. Городовой Егозин божился, будто извозчик этот, едва глаза продрал в дежурной, шептал, что отродясь хмельного в рот не брал. А в бумагах-то... В бумагах значится совсем иное.

— Ну-ка, ну-ка, — Назаров требовательно вытянул крепкую ладонь. — Где протокол? Давай его сюда.

Дежурный торопливо зашуршал папками, выудил сероватый лист, исписанный размашистым канцелярским почерком, и почтительно вложил в руку начальника. Назаров прищурился, вчитываясь в казённые строки. Протокол был составлен по всей форме. Значилось в нём, что извозчик обнаружен «в состоянии мертвецкого беспамятства от неумеренного питья сивухи», а внизу красовалась щегольская подпись: «Заведующий приёмом арестованных, коллежский регистратор Николай Евграфович Зудов». Молодой, не нюхавший пороха чиновник четырнадцатого класса, из породы канцелярских фертиков, только-только прикомандированный к Третьей части для бумажной практики.

Подполковник нахмурился, постукивая пальцем по столу.

— Вот, значит, как: господин регистратор Зудов соизволил записать человека в горькие пьяницы, а с собственных слов извозчика выходит обратное. Странно сие. Но как же ты, голубчик, — Назаров впери в дежурного строгий, пронизательный взгляд, — зная о том, что извозчик твердит, будто не пил, не приметил, что в протоколе-то писано иное? Ведь налицо

несообразность, кричащая, как базарная торговка, а ты, не разобравшись, докладываешь мне, точно всё ладно.

Дежурный офицер смешался, переступил с ноги на ногу, поправил портупею.

— Виноват, Иван Филиппович... Осмелюсь ещё доложить: хозяин извозчичьего двора, купец второй гильдии, нынче спозаранку в канцелярию прибежал! Тревогу забил, как прослышал о случае, кинулся лошадь с пролёткой искать. А услышав, что его извозчик будто бы пьянствовал, диву дался! Говорит, Фролов — парень степенный, старообрядец, у него в доме хмельного отродясь не водилось.

Назаров сидел неподвижно. Перед глазами у него стояла женщина в синем пальто, её руки без перчаток — сильные, с развитой кистью. И извозчик, подкативший ровно в ту секунду, когда она вышла. Да и извозчик странный — осанка, выправка.

Хорошо ступай — отпустил дежурного подполковник.

— Огарёва ко мне! — рявкнул он так, что в коридоре даже ухнуло.

Поручик Глеб Иванович Огарёв явился через пять минут. Он не вбежал — втёк, как вода в щель: бесшумно, гибко и с таким выражением лица, будто только что выиграл в карты у начальника охраны, но виду не подаёт.

Огарёву было под тридцать. Тонкий, жилистый, с подвижным, чуть простоватым лицом и быстрыми глазами, которые умели в нужный момент становиться честными и глупыми, а в нужный — острыми, как бритва. Одет он был с иголочки, но с каким-то щегольским вывертом: галстук завязан чуть небрежно, запонки с искрой, сапоги лакированные — не полицейские, а гусарские. В сыском деле Огарёв считался человеком рисковым: мог и подследственного по морде съездить, если тот «не понимал», и улику подбросить, и свидетеля припугнуть так, что тот не то, что правду — имя своё забудет. Назаров знал за ним эти грехи. Знал и терпел. Потому что Огарёв, при всей своей жуликоватости, умел находить то, что другие не видели. Мыслил он хитро, с подковыркой, и в тёмных делах разбирался лучше любого законника.

— Садись, Глеб, — кивнул Назаров на стул. — Дело есть. Не казённое. Моё.

Огарёв сел, нога на ногу, вытянул руку с перстнем, полюбовался:

— Слушаю, Иван Филиппович. Кого «резать» будем?

— Без шуток. Сегодня утром, на Николаевском вокзале, я видел женщину. Высокая, спортивная, в синем лёгком пальто. Лица не разглядел — вуаль. Саквояж один, горничной нет, вещей особо тоже нет. К ней подкатил извозчик — ровно в ту секунду, как она вышла. Будто ждал.

Огарёв перестал улыбаться.

— Извозчик и что?

— Спина прямая, руки на козлах не по-извозчичьи. Военный, лет тридцать. Верчу я всю эту мозаику уже который час, и не то кажется мне, не то и взаправду на перроне за ней следили двое.

— Наши? — коротко спросил Огарёв.

— Не знаю. Может, и ихние. Откуда ж я знать-то могу, коль не знаю, следили те двое за ней или нет, да и были ли они на том перроне — толпа была, а потому было не было, точно не знаю.

— Аптеку Винтера ограбили, знаешь? — Огарёв сидел прямо, выражение лица сделалось внимательным.

— Я слышал уже. Морфий, яды.

— И извозчик на Тверской-Ямской, который напился до беспамьтства с незнакомыми людьми. Фролов, кажется. Ты понял, Глеб?

Огарёв кивнул. Понял он всё. Даже больше, чем Назаров сказал.

— Значит, так. — Назаров встал, заложил руки за спину. — Первое. Езжай на вокзал. Найди того извозчика, Фролова. Он уже должен очухаться. Узнай: с кем пил? Кто подмешать мог? Он утверждает, что не пил вовсе, проверь. Да и фельдшер его осматривал — так ты с него официальную справку стребуй, а то у нас, кроме протокола, господином Зудовым состряпанного, иных свидетельств нет. Бережёного Бог бережёт.

— Сделаю.

— Второе. Пройди по извозчикам, кто дежурил сегодня утром у вокзала. Найди того, что вёз женщину в синем лёгком пальто. Или не пальто, а эдакий плащ вроде лёгкого пальто? Погода-то — лето на носу, а дни, не говоря уж о ночах, холодные. Высокая, сильная, в вуали. Узнай, куда повёз. Если извозчик тот самый, что я видел, он, скорее всего, исчез. Но спросить надо.

— Понял.

— Третье. Гостиницы. Все приличные гостиницы в центре: «Лоскутная», «Дрезден», «Славянский базар», «Бристоль». И не только приличные. Иди сам. Тонко, незаметно, через швейцаров, через горничных. Не спрашивай прямо — спроси, не останавливалась ли дама в синем пальто, одна, без вещей, красивая. За вознаграждение, если надо. Ты это умеешь.

Огарёв усмехнулся уголком рта:

— Умею. — К утру будь здесь. С докладом. Если что-то срочное — присылай вестового, я буду дома.

Назаров надел шляпу, поправил сюртук и уже в дверях обернулся:

— И ещё, Глеб. Женщина эта... мне она чем-то не понравилась. Она мне кажется на меня смотрела. Сквозь вуаль, сквозь толпу — прямо на меня. Будь осторожен.

— Иван Филиппович, — Огарёв поднялся, поклонился с насмешливой почтительностью, — да что вы, с далека-то да сквозь вуаль, рассмотреть могли? А впрочем, я всегда осторожен, особенно с красивыми женщинами.

Дверь за Огарёвым закрылась. Назаров постоял минуту, глядя на карту Москвы на стене, потом поправил галстук и бесшумно выскользнул в коридор.

Внизу, на Тверской, уже горели фонари. Город готовился ко сну, но Назаров знал: настоящая жизнь только начинается. В трактирах, в номерах гостиниц, на Хитровке, в тёмных подворотнях. И где-то там, в этой ночи, замышляется что-то очень нехорошее и очень запутанное, которое ему предстоит распутать.

Огарёв же в это время, подняв воротник, шагнул в темноту.

Ночь обещала быть длинной.

Глава третья

От Тверской до Никольской ехать недалеко, но ночная Москва располагала к неспешности. Извозчик попался пожилой, лошадь сонная, фонари горели через один — город отдыхал после трудового дня. Назаров сидел в пролётке и думал — вроде уже дни потептели, а ночи всё еще такие зябкие.

Аптека Карла Фёдоровича Винтера помещалась в двухэтажном каменном доме на углу Никольской и Богоявленского переулков. Место бойкое, днём здесь толкотня, а теперь — ни души. Только городской маячил у входа да в окнах второго этажа горел тусклый свет.

Городской, завидев подполковника, вытянулся:

— Ваше высокоблагородие, там аптекарь у себя. Ждёт. Я докладывал, что из сыскной придут.

— Жди здесь, — бросил Назаров и толкнул тяжёлую дубовую дверь.

Аптека внутри оказалась именно такой, какой и должна быть аптека в центре Москвы: высокие шкафы красного дерева до потолка, сотни стеклянных банок с латинскими надписями, запах камфары, валерианы и ещё чего-то горького, чем всегда пахнет в аптеках. За прилавком, в проходе к служебным помещениям, стоял сам Винтер — невысокий, плотный, в сюртуке, надетом поверх ночной рубахи, с тревогой во взгляде за стёклами пенсне.

— Герр подполковник? — заговорил он с сильным акцентом. — Очень хорошо, что приехали. Я уже думал, начальство не приедет до утра. Это ужасно, это разорение, это...

— Показывайте, — перебил Назаров. — Где влезли?

Винтер повёл его через прилавок, мимо шкафов, в глубь аптеки, к чёрному ходу. Здесь, в небольшом коридорчике, ведущем во двор, зияла свежая щела на косяке.

— Вот здесь, — Винтер указал дрожащей рукой. — Дверь взломана. Замок был английский, я заказывал в Петербурге, пятьдесят рублей отдал. Смотрите.

Назаров присел на корточки, осмотрел замок. Тот был не сломан — его аккуратно отжали, почти не повредив механизма. Работа чистая, профессиональная. Он поднялся, оглядел дверь снаружи. Металлическая решётка, прикрывающая окно чёрного хода, была перепилена в двух местах. Пила тонкая, ювелирная — следы ровные, без заусенцев.

— Решётка тоже ваша?

— Моя, — вздохнул Винтер. — Я всё делал, как лучше. Железо кованое, прутья толщиной в палец. Думал, никто не пролезет. А они... — он развёл руками.

Назаров постучал по прутьям. Ковка добротная, да. Такую ломиком не возьмёшь. Значит, работали долго, аккуратно, с инструментом.

— А это что? — он указал на массивную железную дверь в углу коридора.

— Это в подвал, — Винтер махнул рукой. — Туда не лазили. Там запасы, мука, сахар, банки пустые. Не тронут.

— Сейф у вас есть?

— Есть. — Винтер повёл его обратно через аптеку в маленькую комнатку за прилавком, явно служебную. Здесь стоял конторский стол, два стула и в углу — солидный металлический шкаф с массивной дверцей и хитрым колесом для набора кода.

— Швейцарский? — Назаров постучал по стенке.

— Немецкий, — с гордостью поправил Винтер. — Franz Wertheim (Франц Вертгейм), деньги немалые стоил.

— Может, австрийский он, сейф-то? — спросил сыщик.

— Может, — потупив взор, ответил аптекарь, — но всё равно денег немалых стоил.

— Открыт, — заметил Назаров, дёрнув ручку. Дверца подалась.

— Да, — Винтер снова вздохнул. — Они и его открыли.

Назаров заглянул внутрь. Там валялись пузырьки с порошками, видимо, то, что осталось от бывшего изобилия.

— Деньги где держите?

— Деньги? — Винтер пожал плечами. — В столе. Вон там, под замком. Но в ту комнату они не заходили. Я проверял.

Назаров прошёл к столу. Обычный конторский стол, три ящика, два заперты, один открыт. Он выдвинул открытый — там счета, накладные, карандаши. Запертые трогать не стал.

— А кассу? В аптеке, на виду, где торгуете?

— Касса пустая была, — Винтер даже обиделся. — Я каждый вечер вынимаю выручку, в стол кладу. В кассе только мелочь для сдачи, рублишка три-четыре. Они и не смотрели даже, я думаю.

Назаров выпрямился, заложил руки за спину. Мысли бежали быстро, цепляясь одна за другую.

Работал профессионал. Высшего класса. Взлом решётки и замка — чистая механика, без шума. Сейф вообще дело непростое. Деньги в столе, его открыть булавкой легко, а они и не пытались — значит, деньги им были не нужны.

Им нужно было что-то другое.

— Говорите, что взяли, — обернулся он к Винтеру. — По списку.

Винтер подошёл к конторке, взял лист бумаги, исписанный мелким аккуратным почерком, и начал читать, перебирая хитроумные латинские названия.

— Стойте, стойте, — Назаров поморщился. — Я всё равно в этом ничего не смыслю. Вы мне скажите, из всей этой латинской тарабарщины яд изготовить можно, а более меня ничего не интересует.

Винтер поднял на него глаза поверх пенсне:

— Герр подполковник, это всё латынь и химия.

Он вдруг замолчал. Глаза его округлились.

— Что вы имеете в виду?

Назаров смотрел на него в упор.

— Если всё это смешать, что получится?

Винтер сглотнул. Пенсне чуть не упало, он поправил его дрожащим пальцем.

— Вы... Вы имеете в виду...

— Да, я имею в виду яд, — вновь повторил Назаров.

— Яд, — сказал он тихо. — Очень сильный яд. Быстрого действия. Если знать пропорции. Если уметь смешивать.

— А вы умеете?

— Я — аптекарь, — Винтер выпрямился. — Я умею готовить лекарства. А не яды.

— Но из того, что взяли, можно яд сделать?

Винтер молчал долго. Потом кивнул:

— Можно.

Назаров прошёлся по комнате. В голове стучало: женщина, извозчик, аптека, яд. Слишком много для одного дня.

— Скажите, герр Винтер, — остановился он перед аптекарем. — А зачем вообще лезть? Почему не купить? Это же всё, наверное, продаётся открыто?

Винтер развёл руками:

— Продаётся, да. Но не всё. Некоторое из похищенного — да, можно купить, но по рецепту врача. Но кое-что из того, что взяли, просто так совсем не купить, нужны особые разрешения. А если взять много сразу, да ещё всё вместе... это подозрительно. В аптеке спросят, запишут, донесут куда надо. Да и есть препараты, которые покупают не больным, а ювелирам,

фотографам и на прочие технические нужды, и лишь по особым бумагам, да и храним мы его не просто так, в специальном сейфе.

— «Венепа» — это тот, что открыли? — спросил подполковник.

Аптекарь утвердительно кивнул.

— А если человек болен? Если ему нужно лекарство, а рецепта нет?

Винтер пожал плечами:

— Бедный человек придёт, заплачет, я дам. У меня сердце есть. Зачем ему ломиться ночью, решётки пилить?

Назаров кивнул. Именно. Зачем?

— Скажите, герр Винтер, — спросил он, помолчав, — а кто вообще знал, что у вас здесь есть такие запасы? Ну, помимо вас?

Винтер задумался:

— Помощник мой знает, Иван. Он уже десять лет у меня. Ещё знакомые аптекари, мы иногда обмениваемся. Поставщики из Петербурга. Больше никто.

— Иван где сейчас?

— Дома спит. Я его не вызывал. Он здесь не живёт.

— Хорошо. — Назаров снова прошёлся, остановился у окна. За окном уже скоро должно начать сереть, подумалось ему. Ночь кончалась. — Вот что, любезный. Забудьте про слово «яд». Навсегда.

Винтер вытаращился:

— То есть как забыть? Мне список составлять, в полицию подавать...

— Список составите, в полицию подадите. Но слово «яд» не произносите. Скажете — лекарственные средства, химикаты, для больных. И про разговор наш, про то, что я спрашивал, можно ли из этого яд сделать, — тоже молчок.

— Но почему? — Винтер даже шагнул вперёд. — Если кто-то яд готовит, людей травить будет, мы должны...

— Мы должны не спугнуть, — жёстко перебил Назаров. — Пока они думают, что мы считаем это обычной кражей со взломом, они будут спокойны. А как узнают, что мы про яд знаем, — заметут следы, и ищи ветра в поле. И не мы, в смысле мы с вами, а мы, полиция! Ваше дело список лекарств подать и помалкивать. Вы меня поняли?

Винтер помолчал, потом кивнул:

— Я понял, герр подполковник. Буду молчать.

— И ещё. — Назаров уже надевал шляпу. — Если кто-то будет спрашивать про кражу, особенно про то, что именно взяли, — говорите только про деньги. Про то, что деньги искали. И всё. Про склянки — ни слова.

— Но газеты... — начал Винтер.

— Газеты напишут, что пронюхают, а вот чтобы не пронюхали — ваша забота. Да и многие из них пишут то, что велено, так что ваше дело помалкивать.

Назаров вышел на улицу, глубоко вдохнул предутренний воздух — сырой, московский, ещё прохладный, даже зябкий, не то оттого, что лето только вступало в права, а может, из-за близкой реки. Городовой у входа козырнул. Извозчик на углу дремал на козлах.

— Домой, — бросил Назаров, садясь в пролётку. — На Пречистенку.

Пролётка тронулась. Подполковник откинулся на сиденье, прикрыл глаза. В голове вертелось одно и то же: женщина, извозчик, аптека, яд. И Винтер, с его вытаращенными глазами, когда он понял, что из украденного можно сделать смерть.

Смерть. Для кого?

За окном пролётки занимался рассвет. Москва просыпалась: заскрипели двери, загремели вёдра водопроводов, где-то запел петух. Назаров думал о том, что Огарёв сейчас где-то в ночи ищет женщину в синем пальто. И о том, что времени у них почти нет.

— Пошёл быстрее, — крикнул он извозчику. — Не спи.

Лошадь прибавила шагу. А Назаров закрыл глаза и провалился в тяжёлую, тревожную дремоту, в которой всё смешалось: немецкая аптека, взломанная решётка, сильные женские руки и запах яда, которого он даже не нюхал, но теперь чуял повсюду.

Глава четвертая

Спал Назаров мало, но добротнo, без снов, цепко, глубоко. Два часа, выкроенные между рассветом и полным утром, конечно, не принесли полноценного отдыха, но и разбитым он себя не ощущал, обычный недосып, привычное дело. Проснулся он, сел на диване и долго смотрел в окно, думая о том, как и с чего ему начать день.

Мысли роились в хаотичной мешанине, а потом сразу захотелось курить.

Самовар ещё не остыл — прислуга знала привычки хозяина и ставила его с рассветом. Назаров налил себе кофе покрепче и вышел на маленький балкончик с трубкой.

Первая затяжка ударила в голову мягко, но верно. Дым поплыл над Пречистенкой, смешиваясь с утренним ветерком. Лето все же вступало в свои права — солнце уже светило, хотя было всего семь утра. Назаров стоял в одной рубашке, расстегнутой у ворота, и чувствовал, как вместе с табаком в голову приходит та самая ясность, которая и отличает старого сыщика от молодого.

Он начал раскладывать версии.

Первое. Если это иностранная группа — немцы, скорее всего, — и если они хотят кого-то убить ядом, то кого?

Кандидатов немного. Верещагин — раз. Раменский — два. Больше таких фигур, способных влиять на политику, в Москве не сыщешь. Может, кто из великих князей? Но тех стерегут, к ним так просто не подойдёшь. А Верещагин — человек военный, привыкший к опасности, но не к такой. К женщинам падок, к вину неравнодушен. Идеальная мишень.

Второе. Почему они не привезли яд с собой из-за границы?

Тут Назаров затянулся поглубже. Дым щипал глаза, но мысли бежали ровно.

Вариант первый: опасно. На границе досмотр. Особенно если едешь из Германии — там сейчас всё подозрительно, отношения натянутые. Могут и обыскать, и перетрясти. Яд провезти можно, конечно, но риск большой. А если поймают с поличным — международный скандал.

Вариант второй: они уже здесь, в России, давно. Живут под чужими именами, может, даже не один год. Задание получили недавно, а яд доставать нужно здесь, на месте. Тогда кража из аптеки — единственный выход. Но кто им дал задание? Курьер? Или этот заказ пришёл по почте? Глупо, почту читают.

Вариант третий, который пришёл в голову не сразу: они хотели, чтобы кража была замечена. Чтобы полиция искала воров, а не убийц. Отвлекающий манёвр.

Назаров выпустил клуб дыма и сам себе усмехнулся: мудрёно. Для отвлекающего манёвра проще подкинуть фальшивую улику, а не светить целую операцию.

Он потушил трубку, допил кофе и принял решение.

Оделся он быстро — лёгкий сюртук, шляпа, жара не предвидится, хоть уже почти и лето.

Он уже готов был выйти, когда взгляд его упал на письменный стол. Назаров помедлил мгновение, затем выдвинул верхний ящик и извлёк из поясной кобуры свой штатный «смит-вессон». Тяжёлый, воронёный револьвер, с которым подполковник не расставался добрых десять лет, лёг на зелёное сукно стола — аккуратно протёртый, с барабаном, заряженным по всем правилам. Хорошая была машинка, надёжная, пристрелянная. Но сегодня Назаров решил взять другой. Пальцы нащупали в темноте ящика иную рукоять — массивную, из потемневшего орехового дерева. Английский «веблей» калибра.442, знаменитая модель RIC. Пуля у него была тяжёлая, тупоносая, останавливающая — из тех, что бьют наотмашь и валят человека наповал. Таскать эту чугунную гирю на поясе целый день — спина отвалится, да и в казённую кобуру из-за широкого барабана она не влезала. Но сегодня Назаров почему-то остро подумал, что лёгкая пуля может не остановить того, с кем ему доведётся встретиться.

Он сменил кобуру и сунул в неё «веблей», прикрыв его поллой сюртука. Тяжёлый, чёрт, оттягивает ремень, но ничего не поделаешь. Вышел на крыльцо, щурясь от солнца, и крикнул извозчика.

Сев в пролётку, он назвал адрес не службы, а совсем другой: набережная Москвы-реки, казённые квартиры таможенного ведомства.

Таможенный чиновник, которого навестил Назаров, был человеком немолодым, с лицом помятым и хитрым, в мундире, застёгнутом на все пуговицы, несмотря на тепло, — лето всё же брало свои права, во всяком случае, днём. Звали его Пётр Кузьмич Зацепин, служил он в пограничном надзоре в чине, позволявшем ему знать всё, что пересекает границу империи с запада.

Принял он Назарова любезно, но с недоумением.

— Иван Филиппович, какими судьбами? Вы ж ко мне никогда по своей воле не заходили, только когда моего балбеса-племянника из истории вытаскивали. — Зацепин говорил быстро, слегка окая, и всё время поправлял очки. — Случилось что?

— Случилось, Пётр Кузьмич, — Назаров сел в предложенное кресло, отказался от чаю. — Мне бы совет ваш, как специалиста.

Он рассказал далеко не всё, но ровно столько, сколько было надобно для понимания: того, что некие злоумышленники могли привезти яд из-за границы. Важно понять, возможно ли это, и если да, то не проще было бы это добыть здесь?

Зацепин задумался, почесал переносицу:

— Вопрос, Иван Филиппович, сложный. С одной стороны, готовый яд везти — риск первейший. У нас на границе с Германией сейчас такие порядки! Особо рьяные чины каждую склянку нюхают. Если найдут — всё, концы в воду, даже если докажешь, что это лекарство, а вы все же толкуете о настоящем яде. Подозрение само по себе — уже приговор.

— А с другой стороны?

— С другой стороны, — Зацепин понизил голос, — составные части везти легче. Порошки, жидкости в разных флаконах. Если знать, что смешивать, можно и на месте приготовить. Но тут нужен специалист. Аптекарь или химик. Не каждый сумеет.

Назаров кивнул. «Профессиональный взлом — и профессиональный химик. Это уже не случайные люди», — подумал он, но вслух спросил совсем другое.

— А что, если они уже здесь? — спросил он. — Если агенты засланы давно, живут под легендой, а задание получили только сейчас?

— Тогда легче, — согласился Зацепин. — Свои люди, свои связи. Им и красть не надо, они бы через подставных лиц купили всё легально. А раз кража, значит, либо торопятся, либо не имеют легального хода. Либо третье...

— Что третье?

— Либо они хотят, чтобы мы искали воров, а не политических убийц. — Зацепин посмотрел на Назарова поверх очков. — Отвлекают, понимаете?

Назаров вздохнул:

— Понимаю. Сам думал.

Они помолчали. В окно лился тёплый воздух, которого все так долго ждали, на реке гудел пароход. Зацепин вдруг спросил тихо:

— Кого травить-то собрались, Иван Филиппович? Если не секрет?

— Секрет, Пётр Кузьмич, — жёстко ответил Назаров. — И вам лучше не знать. Спасибо за совет. Я ваш должник.

Он встал. Зацепин тоже поднялся, замялся на мгновение и сказал вдруг совсем другим, почти виноватым тоном:

— Иван Филиппович, а племянник... Он ведь теперь совсем другим человеком стал. Трудится, не пьёт. Спасибо вам. Я тогда так и не отблагодарил как следует...

— Не надо, — отрезал Назаров. — Квиты. Вы мне сейчас помогли — и довольно. На выходе, уже в дверях, он обернулся:

— Кстати, Пётр Кузьмич. Если вдруг дойдут до вас слухи о подозрительных немцах, что въезжали в последние месяцы, — дайте знать. Даже если слухи самые мелкие.

Зацепин кивнул, и Назаров вышел.

Пролётка домчала его до управления быстро. В кабинете его уже ждал Огарёв — свежий, выбритый, с блокнотом в руках, но под глазами всё те же тени после бессонной ночи.

— С докладом, Иван Филиппович.

— Садись. — Назаров скинул котелок, сел в кресло, набил трубку. — Ну, что у тебя?

— С извозчиком Фроловым, Иван Филиппович, история вышла... поучительная, — начал Огарёв, поглядывая на начальника с хитрецей. — Ни с кем он вовсе не пил. И вообще к вину не привержен, хоть и извозчик. Я навёл справки: хозяин конюшни Родионов подтвердил, соседи по ночлежке — все в один голос. Человек он трезвый, семейный, водки отродясь в рот не брал.

Назаров нахмурился, поправил усы:

— Дежурный офицер-то мне на словах доложил, что извозчик утверждает, что спиртного не пил, но в рапорте написано обратное, я сам читал. И ты тому извозчику, я вижу, веришь, да и проверка показывает, что непьющий. Стало быть, тот рапорт, что мне вчера читали, — липа?

— Именно так, ваше высокоблагородие. — Огарёв развёл руками, — дело вот какое: когда его нашли у ограды Страстного, он без памяти лежал, едва дышал. Городовой подобрал, в участок доставил. А там дежурный сидел, молодой ещё, фамилией, кажется, Зудов. Поглядел на Фролова — лицо бледное, дыхания почти нет. Испугался, значит.

— Чего испугался-то?

— А того, Иван Филиппович, что коли человек без памяти лежит и не пьян — стало быть, отрава. А отравы — это дело уголовное, надобно доктора звать, освидетельствование проводить, бумаги писать, расследование открывать. Хлопоты, да и начальство потом спросит: как же так, отравление, а вы проморгали? Вот Зудов и решил дельце по-простому обстрелять.

Назаров крикнул, пристально глядя на подчиненного:

— И что ж он удумал?

— Написал в рапорте околесицу: дескать, извозчик Фролов пил водку, после чего был обнаружен в бесчувственном состоянии. Мол, сам виноват, нализался с кем-то, — туда ему и дорога. А если б он правду написал — пришлось бы дело заводить.

Назаров слушал, и лицо его становилось всё мрачнее. Он пыхтел трубкой, выпуская дым к потолку, и только потом спросил:

— А Фролов что же? Он-то сам понимает, что с ним приключилось?

— Понемногу соображает. Очухался уже, сидит в участке, ждёт. Говорит: помню только, что утром выехал, а дальше — тьма. И что в рапорте про него написали — не знает. Я ему пока ничего не говорил, велел сидеть смирно.

— А запах? От него спиртным разило, когда нашли?

— Никак нет. — Огарёв даже головой покачал. — Никакого запаха. Я специально спрашивал и городского, что его подобрал, и дежурного Зудова (уж он-то, грешным делом, под давлением сознался). Все в один голос: не пахло от Фролова ни водкой, ни чем иным. А во фляге его, что при пролётке была, — чистая вода. Он, видите ли, каждое утро наливает и с собой берёт, летом-то без воды никак.

— Коллежский регистратор Зудов, конечно, господин прыткий, да только усердие свое явил исключительно по бумажной части, — Огарёв иронично прищурился. — Доктора-то он к Фролову звать не пожелал, по уже понятным причинам, но, хвала Создателю, казённый лекарь осмотрел бедолагу ещё до того, как его в наши подвалы сволокли. Прямо там, у стен Страстного монастыря. Вот, извольте взглянуть, Иван Филиппович.

Огарёв с едва заметным поклоном протянул Назарову сложенный вдвое лист плотной бумаги с казённой синей печатью. Назаров расправил лист, поднёс ближе к глазам и принялся вчитываться в аккуратный, с ровным наклоном почерк окружного медика. Документ гласил:

«Акт освидетельствования. Тысяча восемьсот восемьдесят второго года, месяца мая 25-го дня. Мною, Тверским окружным врачебным помощником, фельдшером И. К. Решетниковым, учинён медицинский осмотр крестьянина Ярославской губернии Ивана Фролова, занимающегося в Москве извозным промыслом, кой найден был у Страстного монастыря в состоянии глубокого нечувствия. Признаков употребления хмельных напитков, как-то: характерного запаха сивушного масла, багровости лица или расслабления жил от пьянства — при означенном обывателе не обнаружено вовсе. Пульс его едва приметен, дыхание хладное, зрачки же очей сужены до предельного малого размера, что указывает не на винное пресыщение, а на отравление посторонним веществом. По всем признакам, Фролову злонамеренно подмешана была в питье сильная доза настойки опия (Laudanum), каковую в чистом виде обывателям отпускать не велено и коя употребляется провизорами для составления специальных лекарств».

Назаров выпустил длинную струю дыма и покачал головой:

— Ну, Зудов... Рожа бесстыжая! Мало того что дело уголовное укрыл, так ещё и понавыдумывал. А они, отравители, может, и впрямь существуют. Взялся бы он сразу за дело без промедления, может, чего и нашёл бы, а так сколько времени прошло, пока я сводку ту услышал.

— А что с Зудовым делать прикажете? — спросил Огарёв.

— А ничего. — Назаров махнул рукой. — Он, может, и не злодей, а просто ленив и трусоват. Таких не переделаешь. Но на заметку возьми. Пригодится когда-нибудь.

Огарёв кивнул и продолжил:

— Теперь-то, Иван Филиппович, картина яснее. Коли Фролов не пил, а свалился замертво — стало быть, его нарочно с козел убрали. А коли убрали — стало быть, его пролёткой воспользовались.

Назаров резко вынул трубку из рта:

— То есть ты хочешь сказать... что даму в синем вёз не кто иной, как...

— Вот именно, ваше высокоблагородие. — Огарёв даже привстал от возбуждения. — Пролётка та самая, с красным верхом, что даму увозила, — это и есть фроловская пролётка. Только за козлами сидел не Фролов, а тот самый злоумышленник, который его отравил. Фролов лежал без памяти у Страстного монастыря, а его пролётка в это время по Москве разъезжала.

Назаров стукнул кулаком по столу, но не сильно, скорее в задумчивости:

— Ах, шельмы! Ах, прохвосты! Как чисто сработано! Фролова убрали — и свидетеля нет, и пролётка под рукой. А настоящий-то извозчик, значит, исчез. Ищи теперь ветра в поле. Ночью аптеку ограбили, а утром уже извозчика подравили, ох не похоже это на совпадение.

— Пролётку-то мы найдём, — уверенно сказал Огарёв. — Бросить должны. Не вечно же на ней кататься. Я уж распорядился: всем городовым описание дать. Номер помним, приметы все записаны. Как объявится — изловят.

— Добро. — Назаров откинулся в кресле. — А что с Фроловым теперь? Сильно пострадал?

— Очухается. Доктор сказал: лёгкое отравление, не смертельное. Видать, не убивать его хотели, а только вырубить на время. Дозу рассчитали.

— Умно, — процедил Назаров. — Профессионально. Ну, Глеб, чует моё сердце: мы с тобой в такое дело влезли, что мало не покажется.

— Это яснее ясного, — сказал подполковник.

— И ещё, Иван Филиппович, — продолжал Огарёв, видя, что начальник не отпускает его, — я про флягу разузнал. У Фролова, при пролётке, фляга приторочена. Солдатская, старая, алюминиевая, ещё с турецкой кампании, видать. Он в неё каждое утро воду наливает, в жару-

то без этого никак. Многие извозчики так делают — привяжут флягу к козлам и пьют, когда хочется.

Назаров слушал внимательно, трубка в зубах попыхивала ровно.

— И что же фляга та? — спросил он.

— А то, ваше высокоблагородие, что оставляет он её без призора. Слезает с козел, по нужде отойдёт либо с другими извозчиками в сторонке станет, покалякать, — фляга при пролётке остаётся. Всякий подойти может. А народу вокруг — тьма. Кто заметит, что какой-то человек к пролётке чужой наклонился? Подумают, свой, знакомый.

— Стало быть, подлить во флягу зелья — плёвое дело?

— Именно так, Иван Филиппович. Труда не составляет. И главное — выбрали они Фролова, видать, не за особые приметы, а случайно. Просто попался под руку. Фляга есть, вода есть, отлучается он — и пожалуйста. Удобная мишень.

Назаров крикнул, почесал в затылке:

— Стало быть, не Фролова травили, а его пролётку хотели заполучить. Сам-то он им без надобности, лишь бы с козел убрался на время.

— Вот именно, — кивнул Огарёв. — И ещё, заметьте: дозу рассчитали так, чтобы не убить, а только вырубить на несколько часов. Значит, человек, который зелье готовил, в этом деле понимает. Не просто яд, а снотворное, да с точным расчётом. Это вам не аптеку грабить — тут наука нужна.

— Химия, — процедил Назаров. — Опять химия. В аптеке украли, здесь применили. Одна рука, Глеб, одна рука во всём этом водит.

Огарёв помолчал, давая начальнику все обдумать.

— Добро, — кивнул Назаров, затягиваясь трубкой. — Как пролётку ту найдёте, первым делом — флягу. Ту, что приторочена. Снимите её и в лабораторию, к аптекарю, пусть исследует, что за зелье там было. Может, состав тот же, что из аптеки Винтера украли. Ежели совпадёт — считай, ниточку поймали.

— Сделаем, Иван Филиппович, — Огарёв кивнул и тут же добавил с хитринкой: — А ежели фляги той при пролётке не окажется?

— Не окажется — значит, с собой прихватили. Тоже улика. Но вряд ли. Им фляга без надобности, своё зелье они, поди, в иной посуде носят. А фроловскую либо бросят, либо выплеснут. Но ты всё одно проверь.

Огарёв слушал, согласно кивая, а Назаров, глядя куда-то в угол кабинета, продолжал размышлять вслух:

— Теперь суди сам, Глеб. Ежели они приезжие, откуда у них пролётка? Свою с собой не привезёшь, на месте нанять — опять же след: извозчик запомнит, куда повёз, описать сможет. А тут — чужая пролётка, угнанная, и везут сами. Никто не запомнит, никто не опишет. Идеально.

— А ежели у них своя пролётка имеется? — подхватил Огарёв. — Или даже карета? Может, они светить её не захотели, потому и на чужой поехали.

Назаров даже привстал в кресле, глаза его блеснули:

— Вот! Вот это мысль! Коли у них свой экипаж есть — значит, они не приезжие. Свои, здешние, московские. А раз свой экипаж жалко светить, стало быть, лицо их в городе известное. Могут опознать. И дама та, стало быть, тоже здешняя. Потому и вуаль. Тоже как вариант можем принять и это предположение.

Огарёв подался вперёд, понизив голос:

— А ведь она на вас, Иван Филиппович, смотрела. Вы сами говорили. Сквозь вуаль, сквозь толпу — прямо на вас. Не потому ли, что узнала?

Назаров замер с трубкой в руке:

— Узнала... И верно! Я-то, старый пень, думал — показалось. А она меня узнала. Потому и смотрела. А я её — нет. Вуаль, мать её... хотя ты сам говорил, что маловероятно — вуаль, расстояние, толпа, — что показалось мне это, а потому пустое, нечего гадать, узнала, смотрела или нет, работать надо.

— Вот я и думаю, ваше высокоблагородие, — осторожно продолжил Огарёв, — вы у нас человек в Москве известный. Кого из криминальных людей ни возьми — всех знаете. Карманников, что на Кузнецком промышляют, поимённо перечислите. Медвежатников, что сейфы потрошат, — всех наперечёт. Форточников, ширмачей, мазуриков с Хитровки и Сухаревки — для вас они как на ладони. Даже тех, кто по благородной части крадёт, — и тех знаете.

Назаров усмехнулся в усы:

— Знаю. Ещё как знаю. Кто в Москве ширмой работает, кто по гостиницам тырит, кто на барахолке сбывает — все мои знакомцы. А кто из почётных иванов, кто с полицией в доле, кто на дело выходит — про всех мне ведомо.

— А вот дам, Иван Филиппович, — Огарёв сделал паузу, подбирая слова, — дам вы, простите за откровенность, знаете лишь тех, которые с этим народом водятся. Которые по притонам, по воровским малинам, по Хитровке. А ежели дама из другого круга? Кокотка, но не простая, а из тех, что в ресторанах бывают, у купцов первой гильдии на содержании, у офицеров гвардейских? Или вовсе из общества, только с тёмным прошлым? Таких вы, поди, и не знаете.

Назаров слушал, и лицо его становилось всё серьёзнее.

— Верно говоришь, Глеб. Тех я не знаю. А она, может, именно из таких. Потому и узнала меня, что я её не знаю. Она из другого круга. И вуаль ей не от солнца, а от знакомых глаз.

— Вот-вот, — подхватил Огарёв. — Может, она и не девица лёгкого поведения вовсе, а дама из хорошего дома, только с пороком. Или актриса, или певичка. Такие тоже вхожи куда повыше, чем наши притоны.

Назаров задумался, покусывая мундштук трубки:

— Актриса, говоришь... А что, бывает. Иные из них с генералами путаются, с князьями. Вхожи в дома, где про политику говорят. Могут и яд поднести, если хорошо попросить.

— Или если пригрозить, — добавил Огарёв.

— Или если пригрозить, — эхом отозвался Назаров. — Ладно, Глеб. Ты эту нить тоже в голове держи. А пока — ищи пролётку. И флягу ту в лабораторию. Да только не сам, ты мне для другого надобен. И, громко крикнув дежурному, потребовал к себе Платона Сергеевича.

Буквально сразу же в дверь постучали — негромко, но настойчиво, с той особенной уверенностью, какая бывает у людей, знающих себе цену.

— Войдите, — бросил подполковник, и в кабинет шагнул человек, лицо которого излучало сияние и показывало всем своим видом то, что человек просто сияет от радости видеть начальство и ещё больше светится от того, что может быть ему полезным.

Человек этот был не молод и не стар — лет сорока пяти, пожалуй. Одет в приличный, но неброский сюртук тёмно-серого сукна, сапоги без скрипа, руки держал спокойно, с достоинством. Лицо его, однако, привлекало особое внимание: черты были подвижны, изменчивы, и, глядя на него, трудно было сказать, какой он на самом деле — то ли купец средней руки, то ли приказчик из хорошего магазина, то ли отставной чиновник. Глаза живые, быстрые, светлые, с хитринкой, но без наглости. Такие глаза умеют становиться и тусклыми, когда надо слиться с толпой, и острыми, когда надо высмотреть деталь.

— Платон Сергеевич, — кивнул Назаров, не вставая. — Проходи, садись. Ты нам как раз нужен.

Человек поклонился, присел на краешек стула, бросил беглый взгляд на Огарёва, который тут же подобрался, зная своего коллегу как человека понимающего толк в сыске, а слово «конкуренция» претило Огарёву в принципе.

Платон Сергеевич Львов. Служит при сыске без малого двадцать лет. Ты, может, и редко встречал его, потому что он редко в управлении бывает. Он больше... как бы это сказать... в народе.

Львов усмехнулся уголком рта:

— В народе, Иван Филиппович, оно точнее будет. В прямом смысле — в народе. То я мужик с базара, то купец с низовьев Волги, то румынский боярин, что лошадей приехал покупать. А намедни вот в Старом Гостином дворе приказчиком стоял, сахар отпускал. Славно вышло.

Огарёв ответил: «Да как же не знаю, знакомы мы, но видимся и вправду редко», — и сразу с любопытством осведомился:

— И что же, никто не признаёт?

— А кто ж признает? — Львов повёл плечом. — Я сегодня такой, завтра иной. Меня и свои-то в упор не видят, коли я в образе. А выйду из образа — и сам себя не сразу найду.

Назаров усмехнулся, но тут же посерьёзнел:

— Ладно, Платон, дело есть. Ты про кражу в аптеке Винтера слышал?

— Слышал, — Львов кивнул. — В городе говорят: обнесли немца, взяли какие-то сна-добья. Мелочь, вроде, а шуму много.

— Верно. Только ты, Платон, должен знать: ищем мы не просто вора, а вора особого. Того, кто решётки пилил и замки отжимал. Работа чистая, профессиональная. Не форточник, не ширмач — медвежатник высшей пробы. Но из тех, кто при деле, а не по уголовной части.

Львов слушал внимательно, не перебивая.

— Может статься, — продолжал Назаров, — что человек этот не из криминальных, а из мастеровых. Слесарь, механик, инженер. Тот, кто замки делать умеет, а не ломать. Но кто-то ему заказал работу. Заплатил, пригрозил — неважно.

— Понимаю, — Львов потёр подбородок. — Искать среди тех, кто при деньгах оказался, или кто вдруг долги отдал, или кто запил с перепугу.

— Вот именно. — Назаров довольно кивнул. — Ты у нас по заводам и фабрикам ходить мастак. И среди рабочих своим станешь, и мастеровых, и приказчиков. объезди все крупные мастерские, где с металлом работают. Особо внимание обрати на тех, кто в последнее время в нужду попал, а потом вдруг поправился. Или кто сильно напуган, прячется, пьёт.

Львов поднялся:

— Сделаю, Иван Филиппович. Срок какой?

— Чем скорее, тем лучше. Дело спешное. Если что найдёшь — сразу ко мне. Сам не бери, только высмотри. Понял?

— Понял. — Львов поклонился, перевёл взгляд на Огарёва: — Удачи, молодой человек. Встретимся ещё.

И вышел так же бесшумно, как вошёл, будто и не было его.

Огарёв проводил его взглядом, полным уважения:

— Вот это человек, Иван Филиппович. Жаль, что мало знакомы.

— То-то же, — усмехнулся Назаров. — Его многие видели, да не узнали. Ладно, Глеб, теперь твоя очередь. Ступай к аптекарю Винтеру. Поговори с помощником его, Иваном. Я вчера его не застал, а сегодня он должен быть. Расспроси всё: не замечал ли чего подозрительного в последние дни, не крутился ли кто у аптеки, не спрашивал ли про замки, про охрану. И про самого Винтера тоже поспрашивай — тихо, осторожно. Может, немец чего не договаривает.

— Сделаю, Иван Филиппович. — Огарёв поднялся, одёрнул сюртук. — А вы куда теперь?

Назаров помолчал, глядя в окно, потом ответил не сразу:

— А я, Глеб, пойду туда, куда порядочные люди с опаской ходят. В криминальную бездну. На Хитровку, к Сухаревой башне, по трактирам да притонам. Там свои люди, там свой

язык. Авось кто шепнёт, кто такие решётки пилить умеет. И про женщину в синем, может, что услышу. Вуаль вуалью, а бабы языки острые. А то мы решили, что тот, кто решётки-то перепилил, не из криминала, и я полагаю, то верно, но и криминальных наших пациентов проверить надобно на причастность к делам нашим.

Огарёв понимающе кивнул, надел кепку и, почти выйдя, у дверей обернулся:

— А Зудова этого... может, припугнуть для порядка? Чтоб неповадно было правду прятать?

Назаров усмехнулся в усы:

— Ступай, Глеб. Зудов сам себя наказал. Век ему теперь бояться, что его подлог наружу выйдет, и знать, что я о нём знаю, — в моих он руках теперь. А нам с тобой не до него — дело поважнее есть.

Назаров остался один. Докурил трубку, потом подошёл к висевшему в углу затрапезному армяку, как у мастерового, накинул поверх кителя, примял фуражку по-простецки.

В зеркале отразился не подполковник сыскной полиции, а немолодой, бывалый мужик, каких полно на Хитровке.

— Ну, с Богом, — сказал он своему отражению и вышел в ясный полдень.

Глава пятая

Хитровка в полдень — место особенное. Солнце печёт немилосердно, но в узких проулках меж ночлежек и трактиров стоит сырой, затхлый холодок, пахнет кислыми щами, махоркой, прелым тряпьем и ещё чем-то неуловимо опасным, что не имеет запаха, но чувствуется нутром. Здесь своя жизнь, свои законы, свой язык. И свой царь.

Назаров шёл не спеша, вразвалочку, руки в карманах затрапезного армяка, фуражка набекрень. Со стороны — свой в доску, бывалый, из тех, кто видал виды. Глаза, однако, зорко шарили по сторонам, отмечая каждую рожу, каждую фигуру у ворот, каждый взгляд из окон.

У трактира «Каторга» — так меж собой звали это заведение — сидели на завалинке трое. Рожи битые, взгляды тяжёлые. При виде незнакомца насторожились, но Назаров, не замедляя шага, бросил в их сторону короткое:

— Здорово, орлы. Хозяин на месте?

Один из сидевших, с разбитой губой и припухшим глазом, лениво сплюнул сквозь зубы:

— Какой хозяин тебе надобен, мил-человек? Тут хозяев много, да не все приёмные часы держут.

— Мне такой хозяин, — Назаров приостановился, глянул в упор, — что за весь этот угол ответ держит. Сыч, скажем. Или Хромой. Или кто там у вас нынче главная шишка.

Припухший глаз заметно оживился. Такие разговоры просто так не ведут.

— А ты сам-то кто будешь? — спросил он, поднимаясь.

— Я — человек, который ищет. А найду — спрошу. Веди, коли ума хватает.

Через минуту Назаров уже сидел в прокуренной, грязной каморочке при трактире, куда его ввели через чёрный ход. Напротив него за столом, заваленным огрызками и пустыми бутылками, сидел человек, которого здесь звали Хромой. Настоящего имени его не знал никто, да и не нужно было. Хромой заправлял всей Хитровкой, держал в кулаке карманников, скупщиков краденого и содержателей притонов. Нога у него была деревянная, левая, но в остальном — кремень.

— Слышал про тебя, — сказал Хромой, не предлагая ни выпить, ни закурить. — Назаров. Из сыскных. Что, старый, своих не узнаёшь? Аль постарел настолько, что на Хитровку в армяке припёрся, думаешь, не признают?

Назаров усмехнулся, скинул фуражку, положил на стол:

— А я и не прячусь от тебя, Хромой. Я пришёл по делу, и пришёл, заметь, с открытым забралом, по-хорошему. Могу, конечно, и по-иному обернуть, но ты ведь человек бывалый, сам понимаешь: чинить друг другу поруху нам резона нет. Ты на Хитровке не первый год артель держишь, я в управлении седею — пообтерлись, почерк друг друга знаем. Так что давай без виляния и без лишних уверток. Говори со мной по беспристрастию, как с равным.

Хромой скривился, но возражать не стал. Против правды не попрёшь.

— Говори.

— Вчерась аптеку взяли, на Никольской. Немца Винтера. Взяли чисто, по-божески. Решётки пилили, замки отжимали. Кто из твоих так может?

Хромой даже не удивился вопросу. Видно, ждал чего-то в этом роде.

— Аптека... — протянул он, почесывая щетинистый подбородок. — Слышал. Толкуют люди. Только ты, Назаров, не по адресу. Не наша работа.

— А чья?

— Не знаю. Но не наша. Ты сам посуди: на что нам те склянки? Мы люди простые, нам бы денежку, али товар, который сбыть можно. А тут — морфий, стрихнин... Кому это надо? Воровать, чтоб потом травить кого-то? Наше дело тихое, нам шум не нужен.

Назаров прищурился:

— А ты почём знаешь, что там именно морфий да стрихнин? Я ж не говорил.

Хромой осёкся, но быстро нашёлся:

— Так слухи ходят. У меня уши везде. Про немца болтают, что у него добра всякого полно. А что конкретно взяли — мне без надобности. Я тебе об одном толкую: не наши это люди. И дело не наше.

— А чьи же тогда? — насел Назаров. — Может, залётные? Из Питера, из Варшавы?

— Может, и залётные. — Хромой пожал плечом. — Только залётные тоже на Хитровку приходят. А к нам никто не приходил. Ни спрашивал, ни предлагал. Я б знал.

Назаров помолчал, потом вдруг резко сменил тон:

— Слушай, Хромой. Ты мне голову не дури. Если это кто-то из твоих сделал, я всё равно докопаюсь. И тогда я тебе устрою такую жизнь, что ты свою деревяшку в задницу засунешь и на четвереньках отсюда побежишь. Облавы каждый день, каждая малина под колпаком, каждый карманник на учёте. Ты ж понимаешь: я могу.

Хромой побледнел, но сдержался:

— Ты мне не грози, Назаров. Я тебе правду говорю. Не наши это. Честное слово даю, воровское. Ежели б кто из наших такое обстригал, я б знал. У меня глаз острый, уши длинные. Нет такого. И не было.

Назаров смотрел на него долго, тяжело. Потом отвёл взгляд, вздохнул:

— Верю. Не потому, что ты мне друг, а потому что дураком ты никогда не был. А врать в таком деле — себя не уважать.

Хромой перевёл дух:

— Ищи, Назаров, среди тех, кто не с нами. Может, из мастеровых кто, может, из пришлых. Только не у нас. Дай нам спокойно жить — и мы тебе мешать не будем.

Назаров поднялся, надел кепку, уже в дверях обернулся:

— Ладно. Живите пока. Но если что узнаешь про эту историю — передай. Сам понимаешь, за мной не заржавеет.

Хромой кивнул, и Назаров вышел на улицу, под солнце и вонь Хитровки.

Дальше были «Малинник» — трактир, где собирались карманники помельче, и «Обжорка» на Сухаревке, и подвал на Сретенке, где держали сходку скупщики краденного. Везде одно и то же: сначала злоба, потом страх, потом нехотя — признание: нет, не наши. Не уголовное это дело. И если б кто из медвежатников на такое решился, весь бы уголовный мир гудел. А тут — тишина.

К вечеру Назаров сидел в пролётке, усталый, пропахший махоркой и потом, и думал. Воры не врут. Не в этом деле. Слишком серьёзно, слишком необычно. Значит, аптеку брал не криминал. Значит, кто-то другой. Или те, кого в уголовном мире не числят.

— Вези на Тверскую, — бросил он извозчику, откидываясь на сиденье.

В голове крутилось: если не воры, то кто? Может кого заставили? И почему Хромой так легко поверил, что облавы не будет? Не потому ли... Да видимо точно не они.

Пролётка тарахтела по булыжной мостовой, подпрыгивая на стыках. Назаров сидел, откинувшись на потертое сиденье, и смотрел на проплывающие мимо вывески, тумбы с афишами, снующий люд. В голове ещё гудели голоса Хитровки, в носу стоял запах дешёвой махорки и кислых щей, но мысли уже переключались на другое.

На углу Мясницкой и Лубянки взгляд его упал на газетчика — мальчишку в картузе, который, надрываясь, выкрикивал:

— «Московские ведомости»! Убийство в купеческом клубе! Пожар на Тверской! Скандал в благородном собрании!

Назаров тронул извозчика за плечо:

— Стой-ка.

Спустился, купил газету, сунул мальчишке пятак, сдачи не взял и снова забрался в пролётку.

— Трогай.

Развернул лист, пахнувший свежей типографской краской, пробежал глазами первые полосы. Политика, телеграммы из-за границы, очередная перепалка славянофилов и западников. Всё то же, что и всегда.

Но Назарова интересовало другое. Он перевернул страницу, нашёл раздел «Светская хроника», и принялся читать внимательно, медленно, как читают люди, привыкшие не пропускать деталей.

«В ближайшие дни Москва ожидает многих знатных особ, съезжающихся в первопрестольную по случаю начала летнего сезона. Особого внимания заслуживает званый вечер, который граф П. И. Шувалов даёт в будущий четверг в Английском клубе. Среди приглашённых, как нам стало известно, генерал А. П. Верещагин, недавно возвратившийся из Туркестана, а также известный публицист Д. И. Раменский. Ожидается, что вечер пройдёт в узком кругу и будет посвящён обсуждению насущных вопросов внешней политики. Кроме того, на вечере обещают быть...»

Назаров дочитал до конца, сложил газету и устался в одну точку перед собой.

Верещагин и Раменский. Вместе. В Английском клубе. Через несколько дней после того, как неизвестные взломали аптеку и украли яды.

— Гони побыстрее, живее, живее крикнул он!

Пролётка, начала набирать скорость, и Назаров, сжимая газету в руке, лихорадочно перебирал в голове даты, имена, обстоятельства.

Званый ужин в Английском клубе. Узкий круг. Обсуждение политики. Два главных славянофила в одном месте. Идеальная мишень

Пролётка подлетела к управлению. Назаров расплатился, почти бегом поднялся в кабинет, на ходу срывая затрапезный армяк.

Назаров только успел набить трубку, как дверь распахнулась без стука и в кабинет влетел Огарёв. Не вошёл — именно влетел, сияя, как начищенный самовар, и ещё с порога выпалил:

— Нашёл, Иван Филиппович! Разузнал все я!

Назаров даже не успел трубку раскурить, замер с горящей спичкой:

— Ты про что? Про помощника аптекарского? Садись да рассказывай толком.

Огарёв плюхнулся на стул, перевёл дух и начал, жестикулируя с тем азартом, какой бывает у охотника, затравившего зверя:

— Я ж к нему, Иван Филиппович, с самого утра подъехал. Думал, просто так, по-хорошему. Он парень молодой, лет двадцати пяти, глаза честные, но с хитринкой. Винтер его нахваливает: Иван, говорит, у меня десять лет, душа человек, всё знает, всё умеет. Ну, я и приступил. Спрашиваю: не было ли чего подозрительного в последние дни? Не крутился ли кто у аптеки? Не заходил ли кто с вопросами странными?

— И что он?

— А ничего. Сидит, как сыч, глазами хлопает: нет, говорит, ничего не было, всё как всегда. Я к нему с другого бока: может, говорю, покупатель какой приметный захаживал? Может, спрашивал про что-то особенное? Опять нет. Я уж и так и эдак — глухо.

Назаров слушал, попыхивая трубкой, и не перебивал.

— Ну, думаю, — продолжал Огарёв, — не иначе как по пьяному делу он кому-то сболтнул. Сам знаешь, Иван Филиппович, у людей языки во хмелю развязываются. Может, мол, Иван в трактире сидел, водку пил, а там его разговорили. Спрашиваю: а пьёшь ли, Иван? А он мне: ни-ни, говорит, ни капли в рот не беру. И Винтер то же подтвердил: не пьёт Иван, хоть ты тресни. Строгих правил человек, при аптеке с малых лет, к вину не приучен.

— Стало быть, не пьянка, — кивнул Назаров.

— Не пьянка. Я тогда другую версию взял. — Огарёв даже подался вперёд от возбуждения. — Думаю, может, у Ивана любовница завелась? Женщина — она похитрее любого медвежатника будет. Приласкает, приголубит, а потом между делом и выспросит, что надобно. Мужчины они на это дело падкие, язык распускают, сами не замечая.

Назаров усмехнулся в усы:

— Мысль здравая. И что Иван?

— А Иван на меня такими глазами посмотрел... — Огарёв даже руками развёл. — Какая, говорит, любовница? Я, говорит, с утра до вечера в аптеке, жалование у меня — малое знаете, и на квартире я снимаю угол у старухи. Нет у меня никого и не было. Я, говорит, и в трактир-то хожу только чай пить, когда припрет.

— Проверил?

— А как же. К старухе той ходил, к соседям. Всё верно: Иван при аптеке, Иван дома, Иван ни с кем не знается, женщин не водит, сидит тихо, как мышь под веником. Не тот случай.

Назаров нахмурился:

— Так в чём же тогда дело? Коли он не пил и с женщинами не знался, откуда же утечка? Ты ж не просто так прибежал, поди, нашёл чего?

— Так вот, Иван Филиппович, — продолжал Огарёв, — я уж отчаялся было. Сижу, думаю: ну всё, тупик. Ни собутельников, ни любовницы, ни подозрительных знакомств. И вдруг Иван как хлопнет себя по лбу: «Батюшки, — говорит, — а был ведь ещё один! Из городской управы, по пожарной части. С бляхой приходил, всё осматривал, записывал. И решётки глядел, и замки, и подвал, где спирт да эфир хранятся. А мы-то с хозяином и забыли совсем!»

Назаров насторожился, трубку изо рта вынул:

— Из управы? По пожарной части? Это когда ж такое было?

— Недели две назад, аккуратно перед кражей. Иван говорит: «Пришёл человек приличный, при бляхе, бумагу какую-то показал — мы и не сомневались. Винтер сам велел всё показать, потому как с начальством ссориться не след». Ну, я, как услышал, сразу на дыбы. Думаю, вот оно, гнездо! Сейчас я этого проверяющего вычислю, он у меня всё выложит!

Назаров даже усмехнулся в усы:

— И что ж, вычислил?

— А то ж! — Огарёв аж подпрыгнул. — Прямо из аптеки в управу поскакал. Думаю, сейчас я этого молодца за жабры...

— И?

— И ничего, Иван Филиппович. — Огарёв развёл руками, лицо у него сделалось до того комично-огорчённое, что Назаров едва сдержал улыбку. — Был такой проверяющий. И работает он там. И бляха у него настоящая. И начальник его подтвердил: да, посылали, осматривал аптеки на предмет огнеопасных составов. И в аптеку Винтера заходил аккуратно тогда. Всё чин по чину, с бумагами, с подписями.

Назаров крякнул, выпустил клуб дыма и поглядел на Огарёва с этакой смесью досады и насмешки:

— Стало быть, опять пустышка? Человек при деле, службу правит, а мы на него грешим?

— Выходит, что так, — вздохнул Огарёв. — Я и в архиве навёл справки: он там пять лет служит, без единого пятнышка. Семья, дети, в церковь ходит. Не тот случай.

— А Винтер? Сам хозяин?

— С ним тоже говорил. Он только руками разводит: всё, говорит, как на духу, никого подозрительного не было.

Назаров покачал головой:

— Плохо, Глеб, плохо спрашивал. Видно, не тем манером подходил. Люди они тихие, аптечные, может, чего и не сказали, потому что не поняли, что это важно. А ну-ка, давай-ка

ещё разок, да с пристрастием. Не с угрозами, а с толком. Напомни им, что за кражу-то, может, и не вор ответит, а тот, кто недоглядел. Они ж люди служивые, за своё место боятся.

Огарёв вздохнул, поднялся:

— Ладно, попробую ещё раз. Только, чую, зря всё это.

— Иди, иди. Я здесь тебя жду.

Огарёв исчез, а Назаров снова набил трубку, вышел на балкончик, глядел на вечернюю Москву и думал о том, что время уходит, а преступники где-то рядом, и женщина в синем всё ещё не найдена.

Вернулся Огарёв через час. Влетел запыхавшийся, но с победным блеском в глазах.

— Есть, Иван Филиппович! Ещё как есть!

— Ну, говори, не томи.

Огарёв рухнул на стул, перевёл дух и начал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.